

«Социокультурные ценности, как препятствие имплементации положений Европейской Конвенции по правам человека в национальную правовую систему»

Дискуссионные вопросы, связанные с имплементацией решений Европейского суда по правам человека¹ и отдельных положений Европейской конвенции по правам человека в национальные системы, в последнее время достаточно активно обсуждаются в научной литературе, а также на различного рода мероприятиях.² Такой интерес к данной теме объясняется не только востребованностью в доктринальных спорах, но и практической значимостью. Так, перед Конституционным Судом РФ³ зачастую ставится крайне сложная задача, которая заключается в том, каким образом государство может обеспечить баланс между необходимостью исполнения конвенциональных норм и сохранения национальных особенностей, обусловленных социокультурной составляющей.

Говоря о конституционных чертах каждой отдельной страны нельзя не отметить то, что процесс их становления напрямую связан с мировыми интеграционными процессами. Россия активно разрабатывает программы и общественные проекты, направленные на то, чтобы наиболее значимые социально-политические особенности сохраняли свой облик на фоне интернационализма. Например, органами исполнительной власти для таких целей была утверждена Федеральная целевая программа «Культура России (2012 - 2018 годы)». Такие стремления вызваны, в первую очередь, тенденциями к противостоянию поглощения национальной культуры в процессе глобализации, а также желанием защитить, не отходя от общих начал, специфические свойства, которые, в свою очередь, имеют историческую подоплеку. Хотя, в то же время, государства, исходя из общемировых интересов, частью добровольно, а частью вынужденно идут на ограничения, ратифицируя международные акты различного уровня и рода, в том числе, Конвенцию.

Естественно, такие вызовы глобализация бросает не только Российской Федерации. Проблеме выбора между национальными особенностями и подчинением общему стандарту подвержены практически все государства. Их реакция, в конечном итоге, определяется уровнем развития государств. Все-таки, выгода интеграции в европейские структуры, даже несмотря на то, что интересы экономические часто идут вразрез интересам социального плана, кажется более весомой. Вот почему, относительно немногие из стран Европы

¹ Далее применяется аббревиатура «ЕСПЧ»

² Примером таких обсуждений могут послужить: статья Сухова Эдуарда Владимировича «Проблема противоречий решений Европейского суда по правам человека и Конституционного суда Российской Федерации» // Социально-политические науки. 2011. №1, также выступление В.Д. Зорькина на VIII Международном форуме по конституционному правосудию "Имплементация решений Европейского суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы".

³ Далее применяется аббревиатура «КС РФ»

отказались от подавления национальной культуры, сделав выбор в пользу индивидуализации.

Вызовы, с которыми сталкивается наша правовая система, в действительности, базируются на необходимости сочетания сохранения и консервации исторических и культурных ценностей, накопленных за все время становления государственности, и имплементации норм международного права в правовую систему РФ. Россия, подписав Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, признала юрисдикцию Европейского Суда по правам человека. Вместе с тем, включение данного международного акта в национальную правовую систему не повлекло полной интеграции международных стандартов в их европейской интерпретации в российскую правоприменительную практику, чем объясняется такое количество споров касательно правильности решений КС РФ. В этом отношении не столько удивительно, что в 2015 г. Россия находилась в первенстве среди европейских стран по количеству неисполненных решений ЕСПЧ.⁴

Внедрение позиций Европейского суда и положений Конвенции в ткань российского правового пространства происходит медленно и с трудом, ведь правоприменители и законодатели не всегда готовы руководствоваться подходами зарубежных специалистов. Многие конвенционные нормы, идущие вразрез с особенностями восприятия тех или иных вещей российским социумом, становятся предметом тщательной интерпретации, которая, увы, не всегда, в результате, способна удовлетворять запросам международного сообщества. В этой ситуации Конституционный Суд выступает своего рода посредником, адаптируя подходы и позиции ЕСПЧ к реалиям нашей сегодняшней жизни. Итак, исходя из вышеизложенного, следует отметить, что ценностные противоречия зачастую могут привести к тому, что российский законодатель и правоприменитель сталкивается с большими затруднениями в случае необходимости имплементации положений Конвенции в национальное право. Такие случаи могут носить принципиальный характер особенно, если речь идет об обстоятельствах одного и того же дела, разрешаемого ЕСПЧ и КС РФ.

В последнее время дела, рассмотренные ЕСПЧ, стали предметом оживленных дискуссий конституционалистов. Это можно объяснить тем, что ЕСПЧ в большинстве случаев с должной мерой не принимает во внимание социокультурную специфику отдельных стран, в том числе и России. Необходимость учета аспекта социокультурных ценностей наглядно показана во многих делах, решенных ЕСПЧ и КС.

⁴ http://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=reports&c=#n1347956867932_pointer

В первую очередь, следует рассмотреть проблему имплементации на примере известного дела «Константин Маркин против России»⁵, которое наглядно демонстрирует, насколько проблематично судам бывает прийти к единому решению.

Суть данного правового спора состояла в вопросе о возможности предоставления мужчинам-военнослужащим отпуска по уходу за ребенком длительностью 3 года, обычно предоставляемого женщинам-военнослужащим. Иными словами, конфликт заключался в том, имела ли место гендерная дискриминация в ситуациях, когда военнослужащим мужского пола не предоставлялись те права, которые, в свою очередь, гарантировались женскому полу.

Дело «Маркин против России» вызвало общественный резонанс и дошло до Большой палаты Европейского Суда. Первая палата, выступающая в качестве нижней инстанции, вступила в открытую дискуссию с Конституционным Судом, в то время как Большая палата, несмотря на свою поддержку Первой палаты по существу вопроса, сочла необходимым воздержаться от острой критики в адрес Конституционного Суда. Со своей стороны, Конституционный Суд Российской Федерации обратил внимание на возможность предоставления столь длительных отпусков мужчинам-военнослужащим только, когда они занимают вспомогательные должности.⁶

Россия в ходе данного разбирательства столкнулась с проблемой имплементации международных норм в свое законодательство, так как сущность этого дела как раз заключалась в том, что ЕСПЧ вынес своё решение, не принимая во внимание социокультурную среду его будущего исполнения. Корнем конфликта являлось препятствие особенностей культуры нашей страны имплементации норм конвенции в правовую систему России. Многим российским ученым не чуждо мнение, что национальное законодательство, затрагивающее данный вопрос, не лишено разумного основания, несмотря на противоречие позиции ЕСПЧ. Ведь, в статье 8 Конвенции⁷ право на уважение семейной жизни сформулировано слишком абстрактно, давая членам, ее ратифицировавшим, возможность различной интерпретации в ходе процедуры имплементации. В конечном итоге, Конституционный суд, несмотря на ведение конструктивного диалога с «иностранными коллегами», так и не смог отказаться от своей позиции.

Необходимо понять, почему проблема имплементации положений Европейской Конвенции по правам человека в национальную правовую систему кроется именно в культурном аспекте, основанном на многовековых традициях российского общества.

⁵ Konstantin Markin v. Russia, Application no. 30078/06

⁶ См. В.Д.Зорькин. Россия и Европейский Суд по правам человека: взаимодействие внутригосударственного и международного правосудия. «Судья», 2013, № 10, с.13.

⁷ Конвенция о защите прав человека и основных свобод//СПС «КонсультантПлюс»

В заявлении Страсбургского Суда фигурировало мнение о том, что в основании противоречий лежат традиции, которые сложились благодаря гендерным предубеждениям жителей Российской Федерации. Действительно, такая разновидность предубеждений в России существует, однако, они проистекают не из правовой плоскости, а из самой природы российских семейных отношений. Не стоит забывать, что семьи в нашем обществе до сих пор в большей степени строятся на патриархальных традициях распределения ролей между мужчинами и женщинами. Именно поэтому, по возможности, национальный законодатель старается предоставить женщинам законодательные преференции, которые по своей сути, являются не привилегиями, а правовыми компенсациями тех дополнительных обязанностей, которые по традиции ложатся на плечи женщин в российских семьях. Подобное законодательство имеет целью исключительно установление системы запретов, основанной на необходимости особой защиты женского организма от воздействия неблагоприятных факторов. Так, например, Постановлением Правительства РФ от 25 февраля 2000 г. N 163 установлен перечень тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин.⁸

Следует отметить, что в случае с нашей страной такое законодательное регулирование не дискриминирует мужчин, а наоборот, служит способом преодоления существующей в обществе дискриминации женщин. Мнение Конституционного суда, идущее вразрез с мнением европейских коллег можно обосновать необходимостью обеспечения условий, стимулирующих достижение женщинами того уровня реализации прав, который доступен для мужчин по умолчанию. То есть, подобные меры направлены на создание больших свобод для женщин. основополагающим фактором здесь является то обстоятельство, что позиция Российской Федерации в данной дискуссии не расходится с общеевропейскими ценностями гендерного равенства, также, как и равенства в распределении ответственности за воспитание детей между полами. Ключевые различия всплывают лишь при создании нормы, которая будет гарантировать обеспечение такого равенства.

Конституционный Суд опасался того, что российский законодатель может взять курс на уравнивание правовых статусов мужчин и женщин в вопросе отпуска по уходу за ребенком, тем самым создавая «негативное равенство», которое бы лишало дополнительной защиты соответствующую группу женщин, а также, что особенно важно, их детей. Эти опасения отразились в итоге в отказном определении по делу Маркина. ЕСПЧ же в своем решении исходил из сложившегося общеевропейского соглашения по вопросу о предоставлении права по уходу за малолетними детьми военнослужащим обоих полов.

⁸ СПС «КонсультантПлюс»

Вторым моментом, выступающим в качестве препятствия имплементации положений Конвенции в данном вопросе относительно социокультурных ценностей, несомненно, является вопрос обороны, вытекающий из отечественной истории. Так как Российская Федерация охватывает большинство Евразийского континента, то защита своих границ и отстаивание политических интересов уже давно стали для страны частью основной политики. Вышеупомянутые факторы, несомненно, оказывают огромное влияние на вопрос боеспособности армии. Несомненно, что наличие неопределенностей в таком значимом деле будет болезненно сказываться как на внутригосударственном уровне, так и на международной арене. Убежденность Европы в том, что «действие Конвенции не ограничено входами в армейские казармы»⁹, позволяет национальным правительствам европейских стран легче достичь в этих вопросах взаимопонимания и согласия на уровне законодательства и судебной практики, так как охрана этих государств обеспечивается военным потенциалом блока НАТО. Для России же расплывчатость норм, затрагивающих боеспособность вооруженных сил, будет провоцировать возникновение множество внутренних волнений, как показывает предшествующий опыт.

Справедливым будет признать, что ценностные коллизии, возникающие в ходе столкновения конвенционной и национальной юрисдикций, имеют исключительный характер, что демонстрирует явную тенденцию Конституционного Суда идти на компромисс, разрешая споры отлично от ЕСПЧ лишь в тех случаях, когда корень проблемы произрастает из существа отечественного уклада жизни. Еще одним наглядными примером ценностных коллизий может послужить проблема соотношения российских и европейских норм по вопросу института однополых браков и проведения публичных мероприятий для сексуальных меньшинств.

17 сентября 2009 года ЕСПЧ объединил жалобы № 4916/07, 25924/08 и 14599/09¹⁰ на запрет проведения московских гей-парадов в 2006, 2007 и 2008 годах в одно производство под грифом «Алексеев против России». Суть жалоб касалась запрета на проведение более 160 публичных мероприятий, вследствие чего Российской Федерации было выдвинуто обвинение в нарушении статей 11, 13 и 14 Европейской конвенции о защите прав человека.

Власти российской столицы, по мнению судей, нарушили положения Конвенции о свободе собраний, дискриминировав малую группу лиц. В свою очередь, контраргументом ответчика было утверждение о том, что проведение подобных мероприятий было бы небезопасно и противоречило бы «религиозной доктрине большинства населения страны».

⁹ <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=72>

¹⁰ Alekseyev v. Russia, Applications nos. 4916/07, 25924/08 and 14599/09

Уже исходя из данной цитаты можно сделать вывод о том, что речь шла именно о соотношении культурных ценностей Российской Федерации с положениями Конвенции.

В данном вопросе проблема культурной составляющей демонстрируется еще более четко, так как позиции ЕСПЧ и российских судов, а также отношение к данному вопросу граждан в РФ и в Евросоюзе кардинально отличаются. Собственно, отсюда и вытекают затруднения в имплементации подобных положений Конвенции в национальное законодательство и решения судов.

Свою позицию РФ обосновала тем что, демократическое государство обязано защищать общество от разрушительных действий в отношении его моральных устоев. Конституционный Суд неоднократно отмечал, что в Совете Европы, отношение к гомосексуализму очень неоднозначно, поскольку, в одной части европейских стран такие отношения разрешены, а в другой ограничены.

Ценностный аспект отразился и в постановлении КС, где судьи пришли к выводу о том, что отношение российского законодателя к данному феномену не совпадает с конвенционными нормами. Суд постановил, что механизм имплементации таких положений ЕКПЧ основывается на традиционных представлениях об особенностях национального и конфессионального состава российского общества, его социокультурных и исторических характеристиках, в частности, сформировавшихся в качестве общепризнанных в российском обществе представлениях о браке и семье, которые получили юридическое закрепление в Конституции Российской Федерации. Исходя из этого, гарантия создания условий, способствующих формированию и утверждению в обществе, трактовок института семьи и сопряженных с ним социальных и правовых институтов, отличных от общепризнанных, не предполагается.¹¹

Такое регулирование, несомненно, имеет аксиологическую основу, ведь реализация положений Конвенции не должна ущемлять права других лиц, ставить под угрозу общественную нравственность и нарушать правопорядок, сложившийся в российском обществе. Стоит заметить, что свобода сексуальных предпочтений является тем аспектом самовыражения личности, который не может рассматриваться отдельно от утвердившейся в национальной культуре системы социальной регуляции, включающей моральные и религиозные нормы, а также историю и традиции. Законодательство стран мира по этому вопросу сложилось крайне неоднозначное: из всех членов ООН в 121 гомосексуальные

¹¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2014 г. № 24-П “По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А. Алексеева, Я.Н. Евтушенко и Д.А. Исакова”

контакты признаются легальными, а в 73- нелегальными.¹² Приемлемые в Европе методы проявления сексуальной раскрепощенности в мусульманских странах зачастую не только не рассматриваются как право на самовыражение, но и наказываются смертной казнью, как например, в Иране, Йемене, Мавритании, Саудовской Аравии и Судане. Стоит учесть тот факт, что даже у европейских национальных правительств в этом вопросе нет полного единогласия, не говоря уже о сравнении России с Европой. Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 23 сентября 2014 г. № 24-П решении дал системное толкование обжалуемых норм, указав на недопустимость вмешательства в частную сферу жизни, в том числе в сексуальное самоопределение личности. Не найдя достаточных оснований следовать стандартному пути, Суд вынес решение, руководствуясь исключительно российскими представлениями о моральных устоях. Европейские стандарты, по мнению суда, требовали бы не борьбы с дискриминацией и неравноправием, по факту, а закрепления особых прав для сексуальных меньшинств на законодательном уровне.

Очевидно, что единственным верным решением того, как же внедрить в национальное законодательство те нормы, которые нуждаются в социокультурной адаптации, является выработка так называемой ценностно-имплементационной стратегии.

Анализируя сущностную характеристику судебной аксиологии применительно к взаимодействию национальной конституционной, с одной стороны, и конвенционной юрисдикционной деятельности, с другой, следует учитывать не только общие, но и специфические черты, например, различное отношение к одному и тому же вопросу в субъектах страны.

Ценностно-имплементационная стратегия, что важно, должна реализовываться не только на международном, но и на федеральном и региональном уровнях. Ключевым звеном в цепочке ее реализации на практике является такое обеспечение толкования соответствующих нормативных положений, которое бы гарантировано единообразие судебной практики с помощью соответствующих процессуальных механизмов. Только в случае единообразия ценностей на всей территории страны может вестись речь об их балансе на международном уровне, что позволит безболезненно имплементировать положения Конвенции и других норм в российское законодательство.

В определении от 16 июля 2015г № 22-П позиция, выраженная Конституционным Судом является наглядной демонстрацией того, насколько важно единство ценностей. В материалах дела сказано, что касательно одного религиозного текста «Свидетелей Иеговых» в разных субъектах РФ были вынесены противоречивые судебные решения по поводу наличия признаков экстремизма. В результате, обвиняемая религиозная организация

¹² State-sponsored homophobia. — ILGA, 2016. — Т. 11. — 193 с.

оспорила отдельные положения Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»¹³, указав на их неопределенность. Конституционный суд, в свою очередь, решил вынести решение в пользу обеспечения единства ценностных основ конституционного строя, исходя из принципа единства конституционных ценностей. Иными словами, КС исходил из того, что один и тот же текст не может быть квалифицирован по-разному с точки зрения противодействия экстремизму, поскольку ценности, которые защищаются этим законодательством, едины в масштабе всей страны.

Что же касается того, насколько конвенционные положения могут поглощать национальные при имплементации, стоит отметить, что уже в силу самой природы Конвенции и решений ЕСПЧ, на сегодняшний момент, во многих вопросах предполагается достаточно высокий уровень сдержанности в отношении требований единообразия ценностных подходов к различным национальным системам.

Показательно в этом плане дело «Лаутси и другие против Италии»¹⁴ о законности размещения изображения распятий Иисуса Христа в государственных школах, в котором Европейский Суд справедливо отметил что «решение о том, увековечивать традицию или нет, в принципе относится к пределам усмотрения государства-ответчика (п.68). Соответственно, решение о возможности изображения распятий в классах государственной школы было признано тем вопросом, который относится к компетенции государства-ответчика. Именно в этом решении был упомянут факт отсутствия европейского консенсуса по этому вопросу (п.70).

В этом деле проявилось основное условие для реализации ценностно-имплементационной стратегии- вопросы, которые базируются на ценностях культуры и истории страны должны решаться по усмотрению государства. Именно поэтому, крайне важным для имплементации норм Конвенции в законодательство, регулирующее отношения, сформировавшиеся на аксиологической основе, является ограничение вмешательства наднациональных структур в дела, касающиеся исключительно самого государства.

Ничего удивительного в этом нет: в нынешних условиях интеграции между государствами-членами Совета Европы (к которым принадлежит и РФ), нет никаких оснований рассуждать о наличии или отсутствии единого для всех ценностно- правового пространства. В настоящее время отсутствует единый правовой массив, позволяющий игнорировать ценностную составляющую государств. Необходимо понять, что национальные и конвенционные ценности должны находится в координационных связях друг с другом, а не строиться на принципах иерархии и субординации. Фундамент таких

¹³ СПС «КонсультантПлюс»

¹⁴ Lautsi and others v. Italy , Application no. 30814/06

связей следует создавать на основе национально-конституционной интеграции государственно-правовых систем стран Европы, опираясь на их обогащение, одновременно стараясь сохранять государственный суверенитет. ЕСПЧ необходимо признать плюрализм конституционных ценностей, их корреляцию с национальными культурами отдельных стран, гарантируя большую свободу в законотворческой и правоприменительной сферах.

Наконец, весьма важным аспектом в развитии имплементации положений Конвенции на основе ценностного подхода, является использование правовых позиций ЕСПЧ для преодоления коллизий национальных конституционных ценностей везде, где это представляется возможным. Такие уступки, в конечном счете, способствуют имплементации европейских стандартов в национальную правовую систему, при этом сохраняя ценностное ядро, сформированное в пределах нашего государства.

Так, все чаще и чаще Конституционный Суд РФ обращается к решениям ЕСПЧ в качестве ещё одного средства аргументации своих правовых позиций, чем обеспечивает имплементацию норм о правах человека в российскую правовую действительность и согласование национальных и международных ценностей в этой сфере, исполняя роль «ретранслятора европейских идей на территории РФ»¹⁵. Доказательством такой тенденции является рост процента использования решений ЕСПЧ в постановлениях КС: в 2000-2004 гг. - 15,9% постановлений КС РФ содержали ссылки на решения ЕСПЧ, в 2005-2009 гг. их стало уже 39,1 %, а в период 2010-2014 гг. - 41,2 %.¹⁶ Примером использования решений ЕСПЧ, как авторитетного образца может послужить Постановление от 1 февраля 2005 г. «По делу о проверке конституционности абзацев второго и третьего пункта 2 статьи 3 и пункта 6 статьи 47 федерального закона “О политических партиях”¹⁷ в связи с жалобой общественно-политической организации “Балтийская республиканская партия”», где воспроизводятся положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практика Европейского суда по правам человека по делу «Объединенная коммунистическая партия Турции и другие против Турции».

Рассмотрев в ряде аспектов проблему частичной рассогласованности ценностей национального и наднационального правопорядков, возникающей в процессе имплементации норм Европейской Конвенции, можно сделать следующие выводы.

Оценивая достигнутый уровень интеграции правового пространства Европы, следует признать, что именно имплементационные процессы играют на сегодняшний день едва ли не

¹⁵ Герасимова Е. В. Практика Европейского суда по правам человека в решениях Конституционного суда Российской Федерации (некоторые проблемы техники ссылок и применения) // Вестник БФУ им. И. Канта. 2006. №9. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/praktika-evropeyskogo-suda-po-pravam-cheloveka-v-resheniyah-konstitutsionnogo-suda-rossiyskoj-federatsii-nekotorye-problemy-tehniki> (дата обращения: 29.09.2016).

¹⁶ Судебная аксиология в имплементационном механизме европейских конвенционных требований. Н.С. Бондарь

¹⁷ СПС «КонсультантПлюс»

определяющую роль с точки зрения перспектив формирования европейского конституционализма. Главные проблемы протекания таких процессов с сохранением национальных особенностей в эпоху глобализации, очевидно, лежат не только в правовой, но и социально-культурной плоскостях. Многие государства, становясь центрами консолидации различных культур, постепенно теряют свой облик, отказываясь от сохранения национальной специфики. Однако, напротив, имплементация совершенно не обязательно означает поглощение культуры, в силу того, что национальная политика вполне может создать такой эффективный механизм гармонизации национального законодательства и норм международного права, который поможет достичь успеха в механизме имплементации европейских конвенционных требований. Продуктивность подобного механизма должна гарантироваться тремя важными составляющими: признанием единства основных ценностей на всей территории страны, предоставлением независимости от Европы в локальных вопросах и активной ролью Конституционного суда в имплементационном процессе. В свою очередь, свойства культуры, охраняемые особым инструментом обеспечения правовой имплементации на основе ценности, могут сохраниться только в случае, когда КС будет выступать конституционным проводником, интегратором международно-правовых норм в национальные правовые системы.

Список источников литературы:

1. Бондарь Н.С., Судебная аксиология в имплементационном механизме европейских конвенционных требований.
2. Герасимова Е. В. Практика Европейского суда по правам человека в решениях Конституционного суда Российской Федерации (некоторые проблемы техники ссылок и применения) // Вестник БФУ им. И. Канта. 2006. №9. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/praktika-evropeyskogo-suda-po-pravam-cheloveka-v-resheniyah-konstitutsionnogo-suda-rossiyskoy-federatsii-nekotorye-problemy-tehniki> (дата обращения: 29.09.2016).
3. Зорькин. В.Д., Россия и Европейский Суд по правам человека: взаимодействие внутригосударственного и международного правосудия. «Судья», 2013, № 10, с.13.
4. State-sponsored homophobia. — ILGA, 2016. — Т. 11. — 193 с.
5. http://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=reports&c=#n1347956867932_pointer
6. <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=72>
7. СПС “КонсультантПлюс”